

7. Скаб М.В. Закономірності концептуальної та мовної категоризації сакральної сфери. – Чернівці: Рута, 2008. – 560 с.
8. Штерн І. Вибрані топіки та лексики сучасної лінгвістики: Енциклопедичний словник для фахівців з теоретичних гуманітарних дисциплін та гуманітарної інформатики– К.: Арт Ек, 1998. – с. 87.

ВІДОМОСТІ ПРО АВТОРА

Олена Кардашук – кандидат філологічних наук, доцент кафедри сучасної української мови Чернівецького національного університету імені Юрія Федьковича.

Наукові інтереси: семантика.

ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ ЛИНГВОПОЭТИКИ**Наталья КОЛЕСНИЧЕНКО (Одесса, Украина)**

У роботі наводиться аналітичний опис історичного шляху становлення термінологічних і функціональних характеристики поняття 'поетика', ключових культурологічних, лінгвістичних та семіотичних інтерпретацій гендерних тенденцій оформлення поетики художніх текстів різного соціального і естетичного спрямування. Підтверджується формування прийомів і естетики гендерної і, зокрема, феміністської поетики, а також виникнення нового, гіноцентричного (феміністського) підходу до вивчення поетики в цілому.

The work presents an analytical description of the historical process of forming terminological and functional characteristics of the concept "poetics" and the key culturological, linguistic and semantic interpretations of genderic tendencies of forming the poetics of the belles-lettres texts with various social and aesthetic trends. There is also corroborated in it the formation of methods and aesthetics of the genderic and, in particular, feminist poetics, as well as the origin of the modern gynae-centric (i.e. feminist) method of approach to the study of the poetics as a whole.

При том, что терминология каждой науки стремится уйти от полисемии термина и создать одно/однозначные соответствия между научным понятием (явлением, феноменом, фактом) и его словесным обозначением, многие термины, к сожалению, не соответствуют этой тенденции: часть из них теряет свою узко-специфическую привязанность к определённой научной сфере и входит в общеязыковой узус для означивания более широкого круга фактов/ситуаций, часть обрастает синонимами, нередко метафоризованными. С терминопонятием «поэтика» случилось и одно, и другое, и даже третье. С античных времён, в отличие прочих наук, *поэтика* не имеет названия для лица, ею занимающегося, и не имеет своего словообразовательного гнезда, потому что *поэт* и *поэтический* принадлежат этимологически родственной – *поэзии*: оба термина восходят к греч. *poiein* – создавать [36: 508]. В латыни они различались грамматическим родом: *poetica*, -ae – женского рода – поэтика; *poetica*, -orum – среднего рода – поэзия, стихи [31: 779]. Представители самых разных направлений древнегреческой и древнеримской науки обращались к поэтике, главным образом, как к учению о закономерностях текста как такового и хотя *Ars Poetica*, небольшой трактат великого римского поэта Горация (65 г. до н/э – 8 г. н/э), ставший теоретической основой классицизма, был посвящён только закономерностям стихосложения, *Poetics* – *Поэтика* – «отца всех наук» Аристотеля (384 – 322 гг. до н/э) анализирует и поэзию, и драму, и эпос.

В Средние Века, в эпоху Возрождения и Классицизма поэтика приобрела выражено нормирующий характер, указывая способы построения произведения. Сегодня она рассматривается как «наука о структурных формах художественных произведений и исторических законах изменения этих форм под влиянием нового содержания» [32: 221], «включённая в круг семиотических наук через лингвистические факторы, в первую очередь, поэтическую функцию языка» [35: 417].

Идея поэтической функции языка была впервые упомянута в 1929 г. в «Тезисах Пражского лингвистического кружка», где она, наряду с функцией общения, выдвигалась как одна из двух основных функций речевой деятельности. Не меняя в принципе её трактовки и сохраняя за ней значение «материальной стороны художественного текста», Роман Якобсон, тридцать лет спустя закрывая ставший знаменитым по составу участников и плодотворности дискуссий международный съезд лингвистов в Бостоне, в заключительном докладе развил положения своих единомышленников по Пражской школе и положения французской школы А. Мартине, выделив 6 функций языка как функциональной системы: коммуникативную (референтивную, когнитивную), экспрессивную (эмотивную), конативную (понимания, усвоения), фатическую (контактоустанавливающую),

метаязыковую и поэтическую (структурирующую сообщение, представляющую его форму) [10].

Помимо этимологической амбивалентности и словообразовательной недостаточности, нечёткость термину, *поэтика*, как и многим обозначениям других наук, сообщает его употребление в двух смыслах – широком и узком. В первом случае можно говорить об *общей*, во втором – о *частной поэтике*.

Поскольку объектом общей поэтики является художественный текст, во всём многообразии его порождения и функционирования, естественно стирание граней между поэтикой, с одной стороны, и *риторикой* – «наукой о способах построения художественной выразительной речи» [35: 416]; *стилистикой*, изучающей «универсальные приёмы языкового построения произведений литературы» [там же: 492], декодирующей лингво- и литературоведческие замыслы автора [1: 5]; *герменевтикой* (интерпретацией) – наукой, «направленной на толкование глубинного смысла текстов через их структуру, семиотическую природу языка, изучение исторических, философских и пр. данных, связанных с конкретным типом литературного произведения» [34: 81], *лингвистикой текста*, «изучающей семиотическую, структурно-грамматическую, семантико-смысловую, коммуникативно-прагматическую организацию текста (...), а также процессы порождения, понимания и интерпретации текстов в семиотическом универсуме культуры» [там же: 283 - 284], с другой.

Самой молодой из этих смежных и в разных своих аспектах накладывающихся друг на друга филологических наук является лингвистика текста. Термин был впервые употреблён Э. Косериу в 50-х годах, во время бурных дебатов, связанных с развитием дескриптивной (структурной) лингвистики. Необходимость выхода за рамки поуровневого анализа единиц, составляющих текст (речь), отмечали многие лингвисты: «Традиционная лингвистика делила свой предмет примерно следующим образом: фонетика (фонология) занималась звуками, морфология – морфемами, семантика – словами, синтаксис – простыми и сложными предложениями. Что касается текстов, то ими занималась стилистика (...). Однако очевидно, что элементы нельзя рассматривать как «данное». Напротив, лингвист должен вывести их в результате сегментации и анализа (...), т. е. отталкиваясь от текста (...). Если прав Декарт, рассматривающий анализ и синтез как два аспекта одного и того же метода, то тексты должны быть признаны альфой и омегой лингвистического анализа» [3: 370 - 371].

Примерно в это же время Р. Барт тоже установил различия между текстом, имеющим нижнюю границу («минимальный текст в две морфемы» у Вайнриха), и текстом, имеющим верхнюю границы, обозначив их как *произведение* и *текст*. Первый объект представляет интерес для «классического», второй – «авангардного» анализа, «ибо первый пространственно ограничен, второй – всегда интертекст, связанный со всей предыдущей культурой» [2: 496-497].

Оппозиция *текст vs произведение* возвела *текст* в общесемиотическое понятие и сделала возможным его употребление не только в языковой (речевой), но и в других сферах культуры и бытия. «Отцы» современной филологии, начиная с А.А. Потебни, А.И. Пешковского, Л.В. Щербы, В.М. Жирмунского, Б.М. Эйхенбаума, В.Б. Шкловского, включая будущих пражцев, заложили основы широкого филологического подхода к анализу художественного текста, настаивая на неразрывном единстве его формы и содержания, на необходимости поисков его эстетического воздействия в особенностях организации его словесной сущности. Оптимальным термином для науки, объединяющей лингво- и литературоведческие методы и цели анализа, стала *лингвопоэтика*: «Поскольку материалом [художественного произведения] является слово, постольку в основу систематизации поэтики должна быть положена классификация языка, которую даст нам лингвистика», написал в 1919 г. В. М. Жирмунский [5: 28]. Ср.: «*Лингвопоэтика* – это наука, направленная на анализ художественного текста как целостности содержания и формы – совокупности художественных средств, реализующих концепцию автора» [7: 89].

Обратимся к некоторым новым/пересмотренным положениям, вошедшим в лингвопоэтику в последние полтора-два десятилетия. В наибольшей степени они касаются проблемы адресанта и адресата текста. В первом случае предлагается раздельно

рассматривать сообщения от собственно автора (скриптора – «того, кто пишет», в терминологии Р. Барта [2: 121]), от замещающего его вымышленного нарратора, и от персонажа, ибо каждый из них представляет свой индивидуально концептуализованный мир и, соответственно, его отдельную языковую репрезентацию.

Практически все французские постструктуралисты в своих работах последних десятилетий XX в. настаивают на множественности, не-конечности интерпретаций одного и того же текста, на установлении каждым интерпретатором «новых связей между человеком и миром» [8: 127], «добавлении к тексту ещё чего-то», ибо «именно в интерпретационном диалоге [читателя и текста] мы сталкиваемся с воплощённой [в словах] множественностью текста» [2: 58].

Исследуя реакции читателей разного возраста и пола немецко- и англоязычной литературы XIX–XX вв., учёные разработали несколько типов моделей чтения с учётом гендерного фактора. Основная из них может быть сведена к противопоставлению «мужского» чтения – рационалистического, отстраненного, с превалированием эстетического аспекта, «женского» – эмоционального, идентифицирующему себя с текстом, с превалированием этического аспекта [18]. Альтернативные концептуализации мира имеют место в пределах одного языка: различие концептуальных систем градуировано от *тотального*, через *радикальное* и, далее, *небольшое*, к *незначительно* малому [21: 399]. Мужская и женская концептуальные системы, даже в пределах одного языка, одной эпохи и культуры, тоже различны, ибо каждый пол актуализирует «свои», иные от противоположного, параметры/признаки эпизода [9: 215-218].

С развитием феминистской филологии в теорию и практику анализа художественного текста активно включились и гендерологи, которые в области поэтики обращают внимание на эксплицитное или имплицитное (но обязательно присутствующее) противопоставление мужских и женских персонажей архетипических сюжетов: главный герой (даже лежащий на печи) и удачлив, и ловок, и умен, и смел, а героиня – страдалница, которую надо вызволить, пассивная и терпеливая. Био-социо-психологические факторы, обеспечивающие различия мужского и женского поведения, в том числе речевого, несомненно проявляются и на уровне когниции – в восприятии окружающего мира и точке зрения на него. «Женская логика» издавна стала синонимом «отсутствующей логики», ещё раз подтверждая андроцентричность как норму организации общества.

Гендерная лингвопоэтика развивается в двух основных направлениях 1) история женской литературы и женского письма; 2) теория и методология его анализа. Гендерные литературные историки занимаются извлечением из небытия женских имён, весьма скромно отмеченных публикациями в XVIII–XIX вв. Это литературно-историографические труды, восстанавливающие общекультурный контекст соответствующей эпохи и знакомящие читателя с доселе неизвестными или малоизвестными фактами развития культуры родной страны [28; 29].

Второе направление гендерной лингвопоэтики (гинокритики) занимается проблемами анализа мужского/женского стилей письма и выявлением характеристик каждого. При том, что общее мнение склоняется в пользу существенной разницы между мужским/женским письмом, обусловленной разными подходами к концептуализации картины мира [26; 27], имеют место и утверждения о гендерной нейтральности литературы, ибо «писатель – это андрогин, который не должен проявлять свой пол» [14: 87], что хорошо демонстрирует знаменитая фраза Флобера «*Madame Bovary, c'est moi*».

Гиноцентрический (феминистский) подход к чтению и интерпретации текста определяется двумя основными факторами. Это: 1) исходная феминистская позиция, усматривающая в тексте прежде всего проявление поло-ролевого взаимодействия мужчины и женщины с доминированием/властью первого над второй [24]; 2) полная зависимость интерпретации, т.е. понимания и толкования читаемого от контекста, представляющего социально-исторический, морально-этический, религиозно-идеологический и пр. фон рецепции текста. Эта позиция, по сути, основывается не на том, что автор *вписал* в текст, а на том, что адресат *вчитал* в него и смыкается с деконструктивистским (постмодернистским) направлением риторико-стилистического анализа, исходящего из формулы «сколько

читателей – столько текстов», в связи с чем, считают его сторонники, «единый, закреплённый за текстом смысл является заблуждением, и любой канон интерпретации лишён основания» [25: 240-242].

Хотя гендерные исследования ассоциируются преимущественно с «женской» тематикой и феминизмом, на протяжении последнего десятилетия появились статьи и монографии о маскулинности и об эволюции понятия «мужское». Сначала «мужское» выступало в качестве синонима «власти», однако, как полагают гендерные психоаналитики, приход модернизма и смена литературных парадигм XIX–XX вв. вызвали к жизни иной взгляд на «мужское»: если мужчины-писатели XIX в. видели в женщине только «объект» – музу, возлюбленную, жену, мать, в XX в. они обнаружили её как коллегу, тоже пишущую, т.е. субъект, не только лишаящий их векового монопольного права, но и вводящий в подсознание (по Фрейд) «комплекс кастрации», который, в свою очередь, вызвал чувство беспомощности перед проблемами конца века *fin de siècle* [15: 146-149].

В 90-х гг., в противовес феминизму, возникает маскулинизм – мужское движение, отстаивающее, в частности, права разведенных отцов и мужчин, занимающихся домом и детьми (*male home-makers*), которое в американских СМИ называют «новой войной за самоопределение». В 2003 г. в апреле состоялась научная конференция в Москве – «Мужское в традиционном и современном обществе», а в июне – в США – *Masculinities in Russia* [6: 431-435]. И в докладах, и в публикациях маскулинность рассматривается с исторической, социальной, идеологической, сексуальной точек зрения и называется одной из ведущих проблем человековедения XXI в.. Можно сказать, что движение маскулинизма вписалось в одно из ведущих представлений классической науки – о бинарных оппозициях, подтверждая своим появлением и развитием универсальность принципа дихотомии.

Однако, феминистки резко выступают именно против тоталитаризма этого постулата, ибо равенства мужское:женское не существует. В своём требовании его пересмотреть, т.е. разрушить и перестроить, они смыкаются с деконструктивистской философией постмодернизма, «отрицающего эпистемологические догматы, выработанные Просвещением, о возможности постижения истины при помощи логических процедур» [12: 242], и к терминам *постмодернизм*, *постструктурализм* легко присоединился *постфеминизм*, т.е. феминизм конца 80-х – 90-х гг. Ср.: «Постмодернистский, деконструктивистский подход феминизма третьей волны (постфеминизма) базируется на отрицании (деконструкции) бинарной оппозиции, мужское/женское и связанной с ней иерархией полов» [30: 84]. Методологические основы постструктурализма в значительной степени заложил Ж. Деррида, который настаивал: «философия должна научиться мыслить отсутствующее», ибо настоящее – это промежуток, разрыв между прошлым и будущим, и текст не следует воспринимать как фиксированную речь. «Задача философии – его деконструкция, т. е. построение глубинных смыслов, обнаружение возможных ассоциаций, отсылок, коннотаций, всегда индивидуальных, ибо единого фиксированного смысла, единой интерпретации нет. Нет, следовательно, и единого языка с фиксированными значениями своих составляющих <...> и того единства норм и ценностей, которое традиционное мышление называет культурой. <...> Речь идёт о новом, не приемлющем статики и однозначных определений, взгляде на мир» [4: 176-177], чего требуют и феминистки.

Раньше других, теория и практика феминистской поэтики начала развиваться во Франции, что непосредственно связано с влиянием философии и методологии двух выдающихся теоретиков XX в. Мишеля Фуко (1926-1984), разработавшего историческую эпистемологию – учение о смене «призм видения» мира (эпистем) в связи со сменой эпох, и Жака Лакана (1901-1981), создателя системного психоанализа. Психоанализ стал неотъемлемой составляющей феминизма, при том, что «отец психоанализа» Зигмунд Фрейд подвергается феминистской критике как апологет господствующего патриархатного устройства общества, отрицавшего наличие собственной сексуальности у женщины и наделявшего её тремя основными признаками: пассивностью, мазохизмом и компенсаторным нарциссизмом, который стоит ступенью ниже активного фаллического нарциссизма мужчины [23: 65-68].

Жак Лакан, отождествлявший с фаллической (фаллоцентрической) структурой (доминирование мужского, «закон Отца») культуру, общество и всякий вид порядка, утверждал, что цельного, «нерасщеплённого» субъекта с однозначно фиксируемой идентичностью нет и быть не может. Доминирующей составляющей субъективности является не «реальное» (что имело место в классическом психоанализе), а «символическое» и «воображаемое», и «гендер – не простая производная от биологического пола, но социальная конструкция, (...) составной эффект визуальных и дискурсивных репрезентаций, (...) не только семьи, системы образования, масс-медиа, но также (...) языка, искусства, литературы, кино и науки» [22: 26]. Иными словами, «пол является продуктом человеческой культуры и должен рассматриваться именно так» [4: 15].

Одним из оснований теории психоанализа З. Фрейда было учение о *бессознательном* – «содержаниях, не допущенных в систему «Подсознание-Сознание» [33: 71]. Развитие этого тезиса принадлежит знаковой фигуре XX в. – Мишелю Фуко, изучавшему бессознательное различных исторических эпох, его влияние на историческую семиотику и на историческую сексуальность, проявление и способы подавления сексуальности от античности до второй половины XX в., а также их включённости в отношения власти/подчинения. В русле теории Фуко работали ведущие французские феминистки Л. Иригарей, Э. Сиксу, Ю. Кристева (которая, правда, не всегда радовалась собственному феминистскому атрибутированию), каждая в пределах интересующих её проблем.

В теории Фрейда и, позже, Лакана, большая роль отводится метафоре зеркала: женщина принимает на себя функции зеркала в своём желании быть полноценной, имитировать мужчину, отражать его. Эта мужская точка зрения, по мнению Иригарей, не соответствует действительности, ибо женщину следует определить как самостоятельную целостную сущность, со своим типом сексуальности, желаний, языком, способом бытия, со своим письмом. Поэтому «стремление к общественно-политическому равенству полов никоим образом не должно означать, что «мы» стали, как «они», ибо женщины требуют своих прав только затем, чтобы иметь возможность проявить своё отличие от мужчин» [20: 38]. «Сексуальность для феминизма является тем же, что и труд для марксизма: тем, что более всего принадлежит тебе и более всего забирается у тебя» [19: 42]. Сексуальность как форма женского самовыражения, способ самоидентификации, возможность – через женское письмо – изучить и письменно отобразить переживания «разных состояний женского тела» [13: 356] стала темой не только научных исследований, но и литературной практики феминисток, где начали широко обсуждаться лесбийские и квир-отношения¹.

Внимание аналитиков к «телесности» объектов воображаемого мира произведения имеет собственную историю в XX в. Так, оно характерно для лингвопоэтического анализа «русских формалистов» и Пражской школы. Именно к ранним работам В. Шкловского и Р. Якобсона обращались многие теоретики-феминистки. Напр., Ю. Кристева связывает появление женских *субъектов* в литературе с переходом семиотического в символическое, описанном на примерах русской поэзии; Э. Сиксу говорит о метафорах тела и пола как основных источниках построенной формалистами теории поэтических приёмов; эстетические программы авангарда связывают «женское» (как «нерешаемое, расплывчатое, колеблющееся») с практикой субверсивной (у формалистов – тропеической/символической) деконструкции доминирующих структур значений, с «субверсивным дискурсом о сексуальности» [16: 214], с «воскресением тела в тексте» – *Auferstehung des Korpes im Text*» [17: 60-72]. Теоретики немецкой гендерной поэтики отмечают и важность начатого формалистами пересмотра истории эстетики для развёртывания концепции «женского» в ней. Таким образом, в практике разностороннего анализа художественного текста феминистская поэтика использует и структурные методы, и психоанализ, и методологию «новой критики» и деконструктивизма.

¹ Термин *квир-теория* предложила Р. Брайдотти, исходя из широко распространённого *queer* (странный, не такой, как все), используемого в современном языке преимущественно для обозначения отклонения от общепринятой сексуальной нормы [11].

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык. – Изд. 4-е, испр. и доп. – М.: Флинта, 2002. – 384 с.
2. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс, 1989. – 616 с.
3. Вайнрих Х. Текстовая функция французского артикля // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. VIII. – М.: Прогресс, 1978. – С. 370-387.
4. Введение в гендерные исследования: Учеб. пос. / Под общ. ред. А.А. Костиковой. – 2-е изд., перераб., доп., - М.: Аспект-Пресс, 2005. – 255 с.
5. Жирмунский В.М. Задачи поэтики // Теория литературы. Поэтика. Стилистика. – Л.: 1977. – С. 21-32.
6. Литовская М., Ушакин С. Мужественность в России // Новое лит. обозрение. – 2003. – №63. – С. 431-436.
7. Науменко А.М. Філологічний аналіз тексту (Основи лінгвопоетики). Навчальний посібник. – Вінниця: Нова книга, 2005. – 416 с.
8. Рикёр П. Герменевтика. Поэтика. Политика: Московские лекции и интервью. – М.: Academia, 1995. – 160 с.
9. Серова И.Г. Роль гендерной интерпретанты в высказывании: параметризация события // Вестник Воронежского ГУ. Серия: Гуманитарн. науки. – 2003. – Вып. 2. – С. 210-227.
10. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против», – М.: Прогресс, 1975. – С. 193-230.
11. Braidotti R. Nomadic Subjects: Embodiment and Sexual Difference in Contemporary Feminist Theory. – N.Y.: Columb. UP., 1994. – 286 p.
12. Cameron D. Feminism and Linguistic Theory. – 2-nd ed. – L.: Macmillan Press, 1992. – 247 p.
13. Cixous Reader / Ed. by D. Cameron. – N.Y. – L.: Routledge, 1992. – 386 p.
14. Friedrichsmeyer S. The Androgyne in Early German Romanticism. – Bern et al.: Artemis and Winkler, 1983. – 284 p.
15. Gilbert S., Gubar S. No Man's Land. The Place of the Woman Writer in the Twentieth Century. In 3 vol. – V.1. The War of the Worlds. – New Heaven: Yale UP, 1988. – 342 p.
16. Hansen-Löve A. Die 'Realisierung' und 'Entfaltung' semantischer Figuren zu Texten // Wiener Slavischer Almanach. – 1982. – V. 10. – S. 197-252.
17. Hart-Nibbrig Ch.L. Die Auferstehung des Körpers im Text. – Frankfurt a/ Main: Suhrkamp, 1985. – 212 S.
18. Hausen K. Die Polarisierung der „Geschlechtscharaktere“ – Eine Spiegelung der Dissoziation von Erwerks- und Familien-leben // Sozialgeschichte der Familie in der Neuzeit Europas / Hg. von W. Conze. – Stuttgart, 1976. – S. 363-393.
19. Hazelton L. Dorris Lessing on Feminism, Communism and 'Space Fiction'. – The New York Times. – 1982. – №198. – P. 42.
20. Irigaray L. This Sex which is not One // Psychoanalytic Theory: Another Look. – Ithaca: Cornell UP, 1985. – P. 34-85.
21. Lakoff G. Women, Fire and Other Dangerous Things. What Categories Reveal about our Mind. – Chicago, L.: Chic. UP, 1990. – 635 p.
22. Lauretis T. de. Technologies of Gender: Essays on Theory, Film and Fiction. – Bloomington etc.: Indiana UP, 1987 – 166 p.
23. Lindhoff L. Feminismus und Psychoanalyse // L. Lindhoff. Einführung in die feministische Literaturtheorie. – Stuttgart, 1995. – S. 61-71.
24. Millet K. Sexual Politics. – 3-d ed. – N.Y.: Columbia UP, 2000. – 630 p.
25. Münich A. Notorious Signs, Feminist Criticism and Literary Tradition // Making a Difference – Feminist Literary Criticism / Ed. by G. Greene, C. Kahn. – N.Y.: Routledge, 1985. – P. 238-259.
26. Stephan I. Frauensprache – Frauenliteratur? // Akten des VII. Internationalen Germanisten-Kongress, Göttingen. – 1985. – Bd. 6. – S. 110-132.
27. Stephan I. Musen & Medusen. Mythos und Geschlecht in der Literatur des 20. Jahrhunderts. – Köln et al.: Moritz Diesterweg, 1997. – 198 S.
28. Weigel S. Die verborgene Frau. Sechs Beiträge zu einer feministischen Literaturwissenschaft. – 3. Aufl. – Hamburg: Argument Vlg., 1988. – 175 S.
29. Weigel S. Die Stimme der Medusa. Schreibweisen in der Gegenwartsliteratur von Frauen. – Hamburg: Dürman-Hiddingsel, 1987. – 316 S.
30. Weedon C. Feminist Practice and Poststructuralist Theory. – L.: Basil Blackwell, 1987. – 302 p.

СПРАВОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

31. Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. Изд. 2-ое, перераб. – М.: Русский язык, 1976. – 1096 с.
32. Квятковский А. Поэтический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1966. – 375 с.
33. Лапланш Ж., Понталис Ж.-Б. Словарь по психоанализу. – М., 1996. – 623 с.
34. Селіванова О.О. Сучасна лінгвістика: термінологічна енциклопедія. – Полтава: Довкілля. – К., 2006. – 716 с.
35. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – Изд. 2-ое. – М.: Большая рос. энциклопедия, 2000. – 688 с.
36. Partridge E. Origins. A Short Etymological Dictionary of Modern English. – N.Y.: Greenwich House, 1983. – 972 p.

ВІДОМОСТІ ПРО АВТОРА

Наталія Колесніченко – кандидат філологічних наук, доцент кафедри німецької філології Одеського національного університету ім. І.І. Мечникова.

Наукові інтереси: гендерні дослідження, стилістика.